

Л. СКЕПНЕР

«ПРОСТЫЕ КРАСКИ СЕВЕРНЫХ ШИРОТ...»

ИЗ МАЛЕНЬКОЙ ДЕРЕВУШКИ АРТЕМЬЕВСКОЙ, что в пятистах километрах вверх по Северной Двине; приехала в Архангельск четырнадцатилетняя девочка. Поступила в медицинское училище. Занималась она увлеченно, жадно слушала преподавателей, много читала.

Как-то на втором курсе ей поручили написать заметку в стенгазету. Она принесла... сатирическое стихотворение. Преподавателю литературы Алефтине Ивановне Грибачевой стихи так понравились, что она посоветовала отнести их в редакцию молодежной газеты. Вскоре стихотворение было напечатано в «Северном комсомольце». А вместе с ним — другое, лирическое. Так состоялось первое знакомство читателей с Ольгой Фокиной.

...Бережно спрятан в чемоданчик диплом с отличием. Фельдшер Фокина едет в свой родной Верхне-Тоемский район. Медпункт в лесном поселке Ягрыш. Работать трудно, но интересно. В любое время могут постучать, и надо идти — зимой и летом, в распутицу и в метель, туда, где ждут твоей помощи. А стихи захватывали все сильнее и сильнее. И несла она людям «в сумке пушковые томтики, за спиной — рюкзак с микстурами».

...В 1962 году Ольга Фокина окончила Литературный институт имени М. Горького. Вскоре в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая ее книжка «Сыр-бор». В ней еще были стихи, которые несли на себе налет ученичества, подражательности, но рядом с ними и сильные, запоминающиеся. В них уже тогда чувствовался настоящий поэт. «Книга Ольги Фокиной «Сыр-бор» — это весенний цвет. Должно ждать творческого лета, доброго, плодотворного, — так напутствовал ее замечательный знаток северной речи Борис

Шергин. В прошлом году вышли еще два сборника стихов молодой поэтессы: «А за лесом — что?» — в библиотечке «Огонька» и «Реченька» — в Северо-Западном издательстве.

Сейчас Ольга Фокина член Союза писателей СССР. Ее стихи печатаются в газетах и журналах, звучат по радио. Песни на ее слова: «Здравствуй, речка Паленьга», «Насмотрись, зорька, в реченьку» поют не только у нас на Севере.

Имя поэтессы становится популярным. А сама она осталась все такой же — простой, скромной, сердечной. И по-прежнему часто и надолго приезжает она из Вологды, где сейчас живет, в свою деревню — не только встретиться с матерью, братьями, земляками, но прикоснуться к родной земле.

СЕВЕР для Ольги Фокиной — не отвлеченное географическое понятие. Это самый дорогой для нее уголок земли. Здесь родилась она и выросла, и «простые краски северных широт, румяный клевер, лен голубоватый», величаявая Двина и маленькая речка Паленьга — все это ей с детства близкое, родное.

Север — тот родник, откуда черпает поэтесса не только вдохновение, но — поэтические образы и краски.

...я — дитя моей реки,
Озиминка из этой озими.

В моей крови брусничный сок,
И сок ржаной, и сок березовый.

«Тебя ничем не надо украшать, тебе моя несказанная нежность», — говорит поэтесса, обращаясь к родному краю. И в этих словах — не только любовь к Северу. В них, думается, и один из эстетических принципов Ольги Фокиной: она умеет увидеть подлинную красоту в самой жизни, в самом, казалось бы, обычном, увидеть очень по-своему и пе-

редать эту красоту в удивительно свежих, поэтичных и, вместе с тем, очень естественных, в самой жизни найденных образах. В этом, наверное, один из главных «секретов» поэзии Фокиной.

Взгляните:

...Двое над обрывом стоят:
Темная осанистая елка —
Подальше от края — елка-мать
Держит за подол свою девочку —
Пушистую, ершистую,
Ту, что к самому краю
Подбежала, играя,
И притихла на краю,
Свесив ноженьку свою...

Вся природа у Фокиной состоит из таких живых, очень близких ей существ. И реки в ее стихах тоже как живые, у каждой — свой характер. Строгая красавица Северная Двина — река-труженица «в неизменной фуфайке сосновых лесов». А вот притаилась под мосточком-бревнышком «речка Паленга — золотое доньшко», «К берегу ластится» ласковая Серебрянка. «Речка Содонга — ой, бойка! — так и рвет островку бока...».

Такие стихи — не просто красивые картинки. В них всегда, даже там, где ты, кажется, остался наедине с природой, все-таки чувствуется открывший тебе эту красоту человек, с его раздумьями, с его очень светлым восприятием действительности, радостной влюбленностью в жизнь, любовью и нежностью, а порой — и с его болью и грустью. Поэтесса ведет тебя тропинками своего «Сыр-бора», извивами «Реченьки» и так взволнованно, восхищенно всматривается во все встречающееся ей на пути, что трудно остаться равнодушным, не залюбоваться вместе с нею неброской, нежной красотой северной природы, не заразиться ее любовью к «милому Северу, доброму Северу».

Мне думается, можно говорить не только об эстетическом, но и о патристическом значении такой пейзажной лирики. Ведь родной край — это частица Родины, а «Родину нельзя любить безместной, в Родине моя сторонка есть» (А. Прокофьев).

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД, представляя Ольгу Фокину читателям журнала «Огонек», поэт Сергей Смирнов верно заметил, что стихи ее «плотно «заселены» привлекательными людьми».

«Население» стихов Фокиной — это чаще всего земляки поэтессы, чья

жизнь хорошо знакома ей с детства. Общение с ними — и сейчас для нее жизненная потребность. Вместе с ними работает она летом в поле, едет на дальние покосы. А вечерами танцует и поет с девушками под гармонь в колхозном клубе, выступает в самодеятельных концертах. Прежде всего для этих людей — тружеников деревни — она и пишет. Об этом говорит поэтесса в стихотворении «Я сижу над раскрытой тетрадью...». Размышляя о смысле своего поэтического труда, она сравнивает его с трудом колхозного кузнеца.

...Я железо калю не даром,
Я не зря стучу в наковальню.
Поднимая тяжелый молот,
Опускаю его не зря.
Веселей просыпаться людям
В их разбросанных деревушках,
Если кто-то уже проснулся,
Если где-то уже заря!

То обстоятельство, что героев своих стихов Фокина берет из самой жизни, помогает ей создавать образы живые, выпуклые. Поэтессе удается лишь несколькими, но точными штрихами подчеркнуть какие-то очень характерные черточки человека — и тогда видишь, как живых, и ласковую заботливую мать, и соседку «Марь-Вановну», и дядю-плотника, в чьих руках «топор, как птица».

Поэтесса умеет видеть то лучшее, что есть в этих людях. Они любят свой нелегкий, но такой необходимый труд; они очень скромны и никогда не произносят красивых фраз, но они красивы настоящей, не выставленной напоказ красотой душевной. Когда встречаешься с этими людьми, вспоминаются мудрые строки Кайсына Кулиева:

Легко любить все человечество,
Соседа полюбить сумеи.

Ассоциация естественна: Фокина — один из тех поэтов, в чьих стихах нет абстрактных деклараций о любви к человечеству «вообще», зато согреты они теплом живой любви к обыкновенным, скромным, хорошим людям, ее соседям, землякам. Без этой глубокой симпатии и близости поэтессы к своим героям они не смогли бы стать так симпатичны и читателю; не могли бы, наверное, родиться и такие стихотворения, как «Просьба» — безыскусный, глубоко волнующий рассказ пожилой колхозницы-матери, у которой война отняла пятерых сыновей. Надо сердцем понять — и материнское горе, никогда не прохо-

дящее, и чувство душевной благодарности людям за то, что они помогли снова радость найти, — чтобы передать эти чувства с такой достоверностью и взволнованностью. Неподдельная взволнованность вообще отличает стихи Фокиной.

По характеру своего поэтического дарования Ольга Фокина — лирик, она почти всегда пишет лишь о том, что лично ее волнует, что близко ей, пережито ею. Но в лучших стихах поэтессы это личное становится общественно значимым, потому что раскрывает она в характере, переживаниях, раздумьях лирического героя характер, мысли и чувства человека нашего времени.

Вот маленькая лирическая поэма «Черемуха» — взволнованное воспоминание о детстве, об отце. Однажды он принес из леса погибавшую там крохотную черемуху и посадил ее около дома. Вырастить деревце отцу не довелось: он ушел на фронт и не вернулся. Деревце выходила дочь. Сюжет этой поэмы автобиографичен. Отец Ольги погиб в суровом сорок третьем году, когда ей было шесть лет. А черемуха, та самая, «единственная память об отце» — огромная, раскидистая красавица и сейчас протягивает свои ветви к маленькому домику Фокиных в Артемьевской.

Но поэма вмещает гораздо большее, чем эпизод личной биографии поэтессы. Посаженное отцом и выращенное дочерью дерево — этот образ, при всей его реалистичности, становится и образом-символом, поэма приобретает гражданственное звучание. Клятвой поколения погибшим отцам и старшим братьям звучат завершающие ее слова:

Спи, мой отец.
Цвести по всей России
Раскидистой черемухе твоей.

Чувство ответственности перед теми, кто погиб, защищая наше счастье, определяет авторскую позицию и там, где поэтесса говорит о событиях и явлениях сегодняшней нашей жизни.

Вскоре после того, как в «Огоньке» было напечатано несколько стихотворений Ольги Фокиной, в редакцию журнала пришло письмо на имя поэтессы. Автор его, заключенный Л. Е., «неудачный вор», как он сам себя называет, рассказал: «Жизнь давалась легко, спасали две больших звездочки отца. Полюбил легкие деньги... Три раза сидел на скамье подсудимых». Он просил посоветовать, как жить дальше.

Фокина ответила ему стихами. Поэтесса не утешает его, а ведет прямой «разговор о самом главном». Голос ее звучит сурово, гневно. Штрихами резкими, почти сатирическими раскрывает она всю неприглядность внутреннего облика этого любителя «легкой жизни», убожество его идеалов. Главную вину Л. Е. видит Фокина в том, что он предал дело отцов, дело, освященное звездой рубинового цвета.

Звезда, что носит ваш отец,
И под которой схоронили,
Как многих,
Моего отца,
Звезда рубинового цвета,
Простая, о пяти концах,
Известная на всю планету.

Создайте сами ту звезду,
Окрасьте собственною кровью.

Поэтически стихотворение это написано не безупречно, но сила его — в гражданском пафосе, искренней взволнованности, глубокой убежденности поэтессы. И не случайно, наверное, именно в ответ на это стихотворение Фокина получила больше всего писем. Да, голосу Ольги Фокиной доступны не только нежные лирические ноты. Он может звучать публицистически остро.

Хорошая публицистичность в последнее время явно вытесняет элементы риторики, которые еще недавно все же находили себе место в стихотворениях Ольги Фокиной. Яркий пример тому — «деревенские» стихи. Жизнь северной деревни поэтесса видит не со стороны, она раскрывается ей как бы изнутри. Здесь родной дом ее, родные и близкие ей люди. Их радости — это и ее радости, их заботы — это и ее заботы.

Такой вот заботой было рождено стихотворение «Он не уехал из колхоза...» (1960 год) — о пятнадцатилетнем юноше, который отказался уехать в город, потому что любит свою деревню и видит свое место здесь, в колхозе. Но тема была решена поэтически мало убедительно прежде всего потому, что молодой поэтессе не удалось тогда создать яркий, выразительный образ героя. Отсюда — и некоторая риторичность.

Значительно острей и поэтически выразительней написанное пятью годами позже стихотворение «Об этом». Заключенная изба посреди деревни... Если для спутника поэтессы, фоторепортера, это недостойный внимания элемент сельского пейзажа, то для нее такая

изба — «живой итог живых ошибок», острая боль, то, что не дает покоя, от чего нельзя уйти, отмахнуться. Именно в призыве не проходить мимо острых проблем жизни деревни и заключается главный пафос стихотворения.

Такой публицистической лирики у Ольги Фокиной пока еще не так много. Большинство ее стихов — лирика природы, лирика чувств. Но и многие стихотворения, написанные в «чисто» лирическом ключе, объективно вмещают больше (здесь это хочется повторить), чем только личное и чем только картины природы.

Прочтите «Сенокос», «Что это стучит поутру?», «Проводы». О чем они, эти стихи? Кажется, об очень личном, интимном: о зарождающемся светлом чувстве. О «девичьей беде»:

Ох, из колхоза уезжает,
Да ох, последний гармонист...

Но столько в этих стихах горячей неподдельной любви к родной деревне, такая грусть от разлуки с нею, что, кажется мне, в какой-то мере и они по-своему продолжают разговор, начатый еще в стихотворении «Он не уехал из колхоза...».

Или вот «Островок». «Горсть песка да осокни клок — вот и весь островок». Речка его сверлит — хочет размыть, весной «приходитесь островку с головой уходить в реку», тяжелые плоты его бодают, а он все стоит. Но стихотворение не только об этом, а о человеке, о том, чем силен он в жизни. Это, конечно, не впрямую, это подтекст. Он-то и делает «Островок» таким емким.

Лирика Фокиной — «лирика сердца» — все больше становится и лирикой мысли. Не случайно на последнем пленуме правления Союза писателей РСФСР секретарь правления М. Алексеев, говоря в своем докладе о молодых поэтах, которым свойственно лирико-философское осмысление действительности, назвал в их числе и Ольгу Фокину.

Круг размышлений поэтессы о жизни, о людях пока еще не широк, но она думает, ищет и зовет к этому поиску читателя. Для Фокиной быть поэтом — значит идти «по дороге в души человека». Путь ее стихов к сердцу читателя облегчается тем, что она идет к людям с открытой душой, очень доверчиво, как к самым близким друзьям.

Многие стихи молодой поэтессы — о любви, чистой, строгой, трудной.

В ней переполняющая сердце радость и нежность, но она знает и горечь разлуки, сомнений, размолок. Чувство лирического героя Фокиной — не слепая влюбленность. Это большое, живое чувство человека, верящего, что любимый станет таким, каким видишь его в своих мечтах — мужественным, смелым, не боящимся круч. Только надо ему помочь. И она пытается помочь — упорно, отчаянно («С горы, через лес, на равнину...»).

В порывистых стихах Ольги Фокиной вдруг слышишь очень сдержанные интонации, и чувствуешь твердость характера ее героини — нежно любящей девушки, твердость человека, не допускающего для себя возможности нравственного компромисса в любви, как и вообще в отношении к людям, к жизни. («Сны-вещуны...», «Да, теперь — зови — не зови...»).

...Так постепенно раскрывается в стихах Фокиной очень интересный и обаятельный человек, в ком нашла художественное выражение прежде всего личность самой поэтессы, ее мировосприятие и характер.

Чем завоевал мои читательские симпатии этот лирический характер, лирическое «я» Ольги Фокиной? Многим. И особенно — нравственным здоровьем, душевной чистотой и цельностью. Той светлой, радостной влюбленностью в жизнь, которая, переполнив душу, кажется, сама выплескивается в стихи. И вместе с тем — глубиной и серьезностью чувств, серьезностью отношения к жизни. Искренностью и открытостью человека, не умеющего кривить душой.

ПОЭТИЧЕСКАЯ РОДИНА ФОКИНОЙ — Север. Здесь истоки ее творчества, здесь, в северной деревне, видит она главного своего читателя. И это сказывается не только на содержании ее стихов, но и в поэтике, в языке, характере поэтических образов, выборе художественных средств.

В стихах поэтессы слышится «напевно-круглый говор северян», живые интонации их речи, музыка северных народных песен, то «долгая», плавная, грустная, то молодая, задорная. Кажется, где-то здесь, в наших местах, подслушала: она вот это —

...Приезжай, моя доченька,
Хоть на два-три денечка —
Навести свое гнездышко,
Подыши чистым воздушком!
На санках с горы на гору

Полетай легким перышком,—
Похрусти снежком сахарным,
Сбегай к проруби с ведрышком!..»

Ольга Фокина умеет почувствовать и оценить емкость, выразительность исконного русского слова, бережным хранителем которого не зря считают наш северный край.

К сожалению, нет-нет да и проскальзывает у нас еще такое высокомерно-пренебрежительное отношение к фольклору. Обращение к традициям устного народного творчества некоторым поэтам, да и критикам, кажется чем-то вроде старомодным. Для Ольги Фокиной, как, впрочем, и для других поэтов и писателей-вологодчан (особенно С. Викулова и В. Белова), народная речь, устная народная поэзия — сокровищница, которая таит в себе богатства неисчерпаемые.

Поэтесса охотно обращается к фольклорной традиции, особенно к народной лирической протяжной песне с ее высокой простотой стиля, естественностью образов, разнообразными песенными приемами — зачинами, звуковыми повторами — с ее напевностью и задушевностью. Вряд ли можно согласиться с утверждением Т. Жирмунской, что Фокину будто бы не манит фольклорная интонация «ни в ее худших, ни в ее лучших вариантах»*. Но разве не слышится фольклорная песенная интонация в таких, например, стихах как «Из письма матери», «Мелодия», «Снова забрало окна морозом...»? Другое дело, что интонации ее не сводятся к чисто фольклорным (в этом Т. Жирмунская, конечно, права). Одно из достоинств стихов Фокиной — их интонационно-ритмическое многообразие. Вообще обращение молодой поэтессы к традициям устной народной поэзии отнюдь не сводится к стилизации.

В стихах Ольги Фокиной встречаются фольклорные образы: золотая рыбка, жар-птица, и, довольно часто, — различные фольклорные приемы: постоянные эпитеты, параллелизмы, символика, тавтология. Но поэтесса идет не путем механического введения в свои произведения тех или иных фольклорных образов и приемов, а стремится проникнуть в суть поэтики устного народного творчества, стремится овладеть различными его изобразительными и выразительными средствами и творчески их использо-

вать. Она как бы впитала в себя дух народных песен, сказок и частушек, которыми так богата северная деревня. И теперь песенное, сказочное, частушечное органически входит в художественную ткань многих ее стихов.

Вот «Весеннее». Чувствуешь сразу, что-то роднит это стихотворение с северной лирической частушкой, но вот что именно — сразу, пожалуй, и не скажешь: это «что-то» не лежит на поверхности. Может быть, начало:

У крыльца — лужица,
В лужице — опилок.
Вертится, кружится.
Думаю о милom, —

где близок к частушке сам ход развития образной мысли. Как часто бывает в подобного рода фольклорных произведениях, внешняя логическая связь образов и строк здесь как будто бы отсутствует — четвертая строка кажется оторванной от остальных. На самом же деле связь есть — внутренняя, ассоциативная. Первые три строки — как бы своеобразная, частушечного типа, экспозиция: они вводят в обстановку, где разворачивается действие стихотворения.

А может, это «что-то» — веселая лукавинка, которая прячется — прячется между строк, да вдруг и выглянет, и озорно подмигнет вам?

И не только эта лукавинка, а и весь характер героини — активный, деятельный, жизнерадостный, задорный — сродни характеру героя народных частушек. Но тут дело, наверное, не только и не просто в следовании Ольги Фокиной традициям фольклора, а скорее — в близости ее восприятия действительности народно-поэтическому восприятию; в том, что в ее стихах, как и в народных песнях и частушках, отразились черты народного характера.

Эта близость художественного мышления поэтессы мышлению народно-поэтическому проявляется и в характере ее образов. Сравнения, метафоры Фокиной очень, если можно так выразиться, демократичны, они почерпнуты из жизни северной русской деревни, подсказаны житейским опытом крестьянина.

Косы девушки —
Отбеленный лен.
Словно был тот лен
На снегу сто ден. —

Так мог сказать лишь тот, кто знает, как белят льны.

Органическое слияние фольклорного и нефольклорного, традиционного и со-

* Тамара Жирмунская. Назвался груздем. «Литературная газета». 10 марта 1966 г. № 30.

временного ощущается и в «Речке Содонге», одним из лучших стихотворений:

Глинистая,
Обрывистая,
Пахучая,
Сыпучая
Над речонкой круча.
И по-над кручей —
Травы колючие.
А внизу у нее —
Над каждой каплей
Дрожат осоки-резуньи
Обнаженные сабли.
А и беречь-то что?
Велика ли царица —
Перекинешь рукавицей!..

Сказочный колорит, сказочная образность здесь не только тонко подчеркивает поэтичность природы, но и помогает почувствовать подтекст этого стихотворения о маленькой речонке. Ничем она не приметна на первый взгляд, но взглядишься внимательней — поймешь, что есть в ней своя прелесть, она

...жива, как руть,
Да журчат мастерица,
Да вкусна — не напиться!..

Разговорное, очень русское «А и беречь-то что?» и, немножко дальше: «А кому смотреть?.. Кому слушать-то?» — входит в этот стих, с современным ритмическим рисунком, так же естественно, как и сказочное — «осоки-резуньи обнаженные сабли», охраняющие царицу-Содонгу.

Естественность, органичность вообще характерны для Фокиной. Для поэтессы важно не продемонстрировать свое мастерство, а ярче, выпуклей сделать главный образ, точнее передать мысль, настроение. Нарочитость, искусственность у нее очень редки, можно сказать, что они — исключения из пра-

вил. Правило же, то есть наиболее свойственное поэтессе, заключается в том, что ее лучшие стихи читаются так легко, будто написаны на одном дыхании, сразу. Но «сразу» — это для нас, читателей, а для поэтессы —

Я сижу над раскрытой тетрадью,
Как кузнец у остывшего горна,
Пересматриваю работу,
Не дописанную вчера.
Я сижу над раскрытой тетрадью,
Но какими обидно-черными,
Непослушными железашками
Мне слова вчерашние кажутся,
Те слова, что казались алыми
И единственными вчера!

Хочется, чтобы с такой вот взыскательностью Ольга Фокина относилась к каждому своему стиху, к каждому слову. Пока этой взыскательности ей порой не хватает. Хотя и не часто, но встречаются у поэтессы очень приблизительные рифмы: пепелище — брызжет, берегу — чугунку; слова с переселившимися ударениями («распрямит»); отдельные неудачные выражения, вроде «мама-природа». Порой, как уже отмечалось критикой, ей мешают длинноты, неумение вовремя поставить точку. Можно упрекнуть Фокину и в том, что, увлеченная самобытностью своего любимого северного говора, она излишне добра к диалектизмам, бытующим на сравнительно узкой территории, смысл которых ясен, пожалуй, лишь землякам поэтессы да знатокам северных говоров. Слова эти, придавая стихотворению, на первый взгляд, «местный колорит» — на самом деле мешают понять мысль.

Может быть, пишу я об этом слишком придирчиво, но только потому, что очень люблю стихи Ольги Фокиной, и верю в нее, и многого хочу и жду от нее.